

Олег Клиг, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Литература – хранитель и ретранслятор культурного кода России

Сейчас закончилась эпоха литературоцентричности – не только в России и бывшем Советском Союзе, но и во всем мире. Наша кафедра теории литературы довольно давно занимается такой темой: «Художественный текст и культурная память». Почему возникла необходимость в этой теме? Несмотря на то, что вроде бы сегодня литература переживает кризисное состояние, надо сказать, что это происходит не впервые, это не сиюминутный фрагмент в развитии мировой культуры. Вся история мировой культуры – это эпоха взлетов и кризисов, и такие взлеты и кризисы знает не только та или иная литература, но и каждый художник, поэт на протяжении своего поэтического развития. Тем не менее литература создавала очень прочные механизмы сохранения культурной памяти.

Например, возьмем такую категорию, как жанр. Уже давно М. М. Бахтин ввел понятие «память жанра», и действительно, мы знаем, что на протяжении разных этапов развития мировой культуры функция жанра осуществлялась по-разному: были эпохи, когда категория жанра выдвигалась на первый план, и эпохи, когда она была совсем не актуальна. Главным для поэта, писателя является стремление к новизне, но как бы ни обновлялась жанровая палитра современной литературы, в глубине память жанра остается в чем-то неизменной и оказывает довольно большое влияние на писателей, которые, может быть, и не получили филологического образования, не владеют теоретическим представлением о жанрах. Эта память жанра во многом предопределяет, например, становление и развитие современного романа. То же самое можно сказать о категориях сюжета и фабулы. Да, сегодня, как правило, доминируют бессюжетные романы, когда функцию сюжета берет на себя композиция, но и в таком произведении, где, казалось бы, нет сюжетного элемента и его роль играет композиция, тем не менее остается эта вот традиционная роль сюжетосложения, архитектоники.

Или если мы, например, обратимся к стилизации, то стилизация – тоже один из механизмов сохранения культурной памяти. Мы знаем, что в пушкинскую эпоху была высокая культура стилизации, сам Пушкин создал немало произведений, где он имитирует других, – например, стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», в кото-

ром Пушкин одним из первых в России обращается к поэзии трубадуров, к средневековой поэзии. Это проявилось и в «Маленьких трагедиях», и в других произведениях. Затем наступила эпоха (как, например, считал В. Брюсов), когда культура стилизации была утрачена, но она возродилась в начале XX века, в эпоху Серебряного века, и находит продолжение в современных литературных произведениях.

Если мы говорим о современном состоянии культуры, то я хочу обратить внимание, что появились понятия «культурный геном», «культурная эволюция». Есть даже такая точка зрения, казалось бы, в корне вступающая в противоречие с реальностью, что если биологическая и иная эволюция закончилась, то на антропологическом уровне сегодня видны какие-то изменения в плане культурной эволюции. Безусловно, это вступает в конфликт с ощущением культурного апокалипсиса, в котором мы существуем. И вот эта антиномия — культурная эволюция, культурный геном и культурный апокалипсис — во многом определяет состояние современной литературы и культуры. Мне кажется, что не так все трагично: всегда в противостоянии двух этих начал, того, что условно можно назвать Хаос и Гармония, происходит становление нового.

Конечно, сегодняшние журналы — их роль в обществе заметно отличается от прежней (я имею в виду так называемые толстые журналы, как их понимал еще Белинский), отличается от того, что было в эпоху перестройки, когда журналы выходили миллионными тиражами. Но если мы вспомним прошлое, то настоящая культура — это не та, которая востребована массами и называется «массовой культурой». Культура всегда была довольно элитарным, штучным явлением, даже в эпоху Пушкина... На самом деле время расставляет все на свои места, и мы порой не очень высоко ценим современную литературу, потому что всегда очень трудно приглядеться к тому, что происходит в данный момент; но вот здесь-то и вступает — а может быть, наоборот, проявляется — сила механизмов культурной памяти и литературы.

Довольно устойчива точка зрения, что не только литература не востребована, но и функция пророчества, которая была у русской литературы, иссякла. Даже если допустить, что не будет гениев (хотя это не так), а останутся только мастеровые средней руки, мне кажется, сама литература, веками создавая механизмы памяти, обеспечила то, что будет очередной период (как это было во время кризиса реализма, когда господствовали русские последователи Золя), будет очередной взлет. В самой литературе, на уровне текста, все останется, эта культурная память никуда не исчезнет и предопределит новый виток развития литературы и мировой культуры. Спасибо за внимание.